

Симона Вилар
Тяжесть венца

СИМОНА ВИЛАР

Тяжесть венца

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4 УКР-РОС
В44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Ольга Сычак*

ISBN 966-14-1674-0 (PDF)

- © Гавриленко Н., 2005
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2006, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2006

ОБЛАКО НЕНАВИСТИ

В годы войны Алой и Белой Розы Англия была подобна бурному морю: шквалы и штормы сменялись затишьем, а затем подводные течения и ветры вновь приносили грозы и бедствия. Но и в бурю, и в штиль без устали лилась кровь. И если стихали военные действия Ланкастеров и Йорков, то еще долго под небом старой доброй Англии мелкие феодалы пользовались неразберихой в государстве, сводили между собой счеты, совершали набеги, грабили. Нация сделала себе жестокое кровопускание. Простой люд был бесконечно утомлен постоянной смутой, но именно родовая знать понесла самый большой урон.

В свое время один из наиболее видных участников войны Роз, могущественный Уорвик — Делатель Королей, — бросил клич убивать лишь рыцарей противника, но щадить рядовых ратников, «неповинных в этой войне». Этим жестом Уорвик добился огромной популярности среди простых людей Англии, однако именно так было положено начало истреблению древнейших родов. В войне Роз пали трое Сомерсетов, два графа Нортумберленда, молодой Суффолк, отец и сын Клиффорды, престарелый герцог Солсбери, погиб сам великий Уорвик, его брат Монтегю, лорды Экзетер, Бекингам, Герберт и по-

следняя надежда Ланкастеров — юный принц Эдуард. Те же из Ланкастеров, кто уцелел после окончательной победы Эдуарда IV Йорка, например юный Генри Тюдор и его дядя Джаспер Тюдор, вынуждены были бежать из Англии.

И неожиданно король Эдуард IV ощутил пустоту в палате лордов. Представители именитых семейств, в чьих жилах текла хоть капля королевской крови, смотрели на нового короля из рода Йорков как на равного себе, разве что немного более удачливого. Они были реальной силой, и им следовало противопоставить кого-то, а заодно заполнить изрядно поредевшую палату лордов. И тогда король Эдуард возвеличил многочисленную родню своей супруги Элизабет Вудвиль.

Жена Эдуарда Йорка не была родовитой. Некогда Эдуард женился на ней по страстной любви, хотя она и была старше его. Но подобным браком король оскорбил самого Делателя Королей и окончательно рассорился с матерью — вдовствующей герцогиней Йоркской. Последовавшее же возвышение многочисленной родни королевы вызвало недовольство не только старой знати, но и многих сторонников Эдуарда. Даже простолюдины возненавидели амбициозных и жадных Вудвилей.

Впрочем, саму королеву щадили. Со временем она уже не так поражала англичан своей красотой, но она оставалась супругой их короля, матерью его многочисленных детей, в том числе двух прекрасных мальчиков, старшему из которых предстояло взойти на престол. Зато братья Элизабет — граф Риверс, Лайонел, епископ Солсберийский, красавчик и развратник Эдуард Вудвиль и совсем еще мальчишка Ричард, кавалер ордена Бани, — все они были такими надменными и заносчивыми, что их ненавидели в народе, а представители старой знати скрепя сердце терпели их и отдавали за них своих дочерей. Были еще два сына Элизабет от первого брака, носившие имя Грей, — Томас Грей, маркиз Дорсет, очень красивый и честолюбивый юноша, и Ричард Грей, лорд, недавно посвященный королем в рыцари. Пять сестер королевы были выданы замуж за самых родовитых лордов, и, помимо того, существовало еще великое множество тетушек, кузенов, племянников, не столь возвысившихся, но все же являющихся опорой клана Вудвилей — мощной новой знати, противопоставляющей себя ста-

рой английской аристократии, которая в свое время помогла молодому Эдуарду Йорку укрепиться на троне.

Одним из представителей этой старой аристократии был сэръ Уильям Гастингс, назначенный королем чемберленом Англии. Гастингс смело выступал против возвышения Вудвилей, и королю стоило немалого труда поддерживать дружеские отношения одновременно с преданными родственниками жены и со старым другом Гастингсом. Среди потомственной знати были еще Джон Ховард и легкомысленный Томас Стэнли, женатый на открытой недоброжелательнице Йорков Маргарет Бофор. Маргарет была опасна тем, что происходила из Ланкастеров, а ее сын Генри Тюдор представлял открытую оппозицию королю, правда, из-за Ла-Манша. И был еще красавец Генри Стаффорд, герцог Бекингем, осмеливавшийся открыто оспаривать у короны графство Херифорд, давно ставшее королевскими землями, но на которое Бекингем имел права по закону. Вот и получалось, что строптивые аристократы не единожды выступали против короля, в то время как льстивые Вудвилы пользовались его расположением и милостями.

Тем не менее Эдуард ценил старую аристократию, ибо хотел чувствовать себя в кругу равных, — тех, кто выстоял в войне Роз, независимо от того, на чьей стороне они сражались. Он удерживал их при себе и всячески старался разрядить атмосферу ненависти, которая, как грозовое облако, повисла над двором. Король Эдуард IV, в прошлом самый привлекательный и веселый монарх, когда-либо восседавший на троне Англии — шесть футов мужской красоты, как говорили о нем, — растратил себя в вихре удовольствий. И теперь его нескончаемо изнуряли требования враждующих группировок, их взаимные обиды, споры, поэтому он страстно предавался охоте, рыбной ловле, бурным оргиям, в которых знал толк, как никто. А его последняя пассия, жена лондонского ювелира Джейн Шор, считалась самой обворожительной женщиной королевства. Королева Элизабет терпела при дворе эту распутницу только потому, что та была по природе добросердечна и не властолюбива. К тому же Джейн была бесплодна, а значит, ничто не могло упрочить ее связь с королем, в то время как Элизабет являлась матерью английских принцев и принцесс.

Детей от королевы Эдуард любил безумно. Особой его любовью пользовалась старшая дочь, названная в честь матери, Элизабет. Для нее Эдуард выхлопотал выгоднейшую партию, обручив с наследником французского короля, и теперь при дворе принцессу Элизабет полагалось называть не иначе как мадам дофиной¹. Но и другим принцессам предлагались блестящие союзы. Так, вторая дочь Эдуарда была помолвлена с шотландским принцем, а для малюток Бриджит и Анны готовились браки с испанскими и датскими королевичами. Сыновей короля звали Эдуард и Ричард. Старшему предстояло однажды занять английский трон, а младшего, пятилетнего карапуза, уже ожидал брачный контракт с семилетней Анной Моубрей, одной из самых состоятельных невест королевства, наследницей герцогства Норфолк.

Старший сын короля воспитывался в отдалении от двора — в замке Ладлоу, на границе с Уэльсом. Король желал, чтобы наследник рос среди шропширских охотничьих угодий, в окружении благодатной природы. Там прошло детство самого короля, и лишь немногие догадывались, что, лишая себя общества сына, король просто желает уберечь юного принца Эдуарда от установившейся при дворе атмосферы вражды и ненависти.

Однако гораздо больше, чем противостояние знати, короля удручала распря, тлевшая в его собственной семье. Братья — Джордж Кларенс и Ричард Глостер — были постоянной головной болью короля. Даже победа в войне Роз не сплотила трех братьев Йорков. Более того, головокружительный успех и слава старшего брата не давали покоя ни Джорджу, ни Ричарду.

В свое время мать Эдуарда, герцогиня Йоркская, стремясь в критической ситуации спасти голову сына, объявила, что понесла его не от своего мужа Ричарда Плантагенета, герцога Йоркского, а от некоего стрелка Блейборна. Сына-то она спасла, но сам Эдуард воспринял поступок матери как предательство и так и не смог окончательно простить ее. Когда же она попробовала разъяснить все Эдуарду, он грубо возразил:

— Я вам не верю, сударыня! Клянусь небом, ни для кого не секрет, что именно мой брат Джордж всегда был вашим

¹ Дофина — невеста французского принца — дофина.

любимцем и занимал особое положение в семье. И подобно тому, как Ревекка хотела, чтобы наследником отца вместо Исава стал Иаков, вы готовы были сделать все, чтобы Джордж получил больше прав на корону, нежели я. Я никогда не прощу вам этого и требую, чтобы вы покинули мой двор.

Многие тогда поддержали короля, заявив, что женщина, открыто признавшаяся в прелюбодеянии, не заслуживает лучшего обращения. К тому же теперь второй сын Сесилии Йоркской и в самом деле представлялся имевшим больше прав считаться наследником Плантагенетов, чем Эдуард. Сам же Джордж, еще с тех пор как при Уорвике парламент принял закон, согласно которому, если после Ланкастеров не останется потомства, именно средний Йорк взойдет на трон, был убежден, что он, а не Эдуард должен править Англией — и как прямой наследник своего отца, и как наследник Ланкастеров. Поэтому Джордж Кларенс все время возглавлял любую оппозицию против старшего брата, без устали плетя сеть интриг. Можно было только диву даваться, как хватает у короля терпения смотреть сквозь пальцы на бесчисленные измены Кларенса. Король не наказал его, даже когда люди брата под пыткой признались, что он возводил порчу на короля. Более того, Эдуард оказал Джорджу поддержку, когда тот вдруг объявил, что намерен жениться на сестре Якова Шотландского Маргарите. Казалось, долготерпению Эдуарда нет предела, и наконец Элизабет, всегда ровная и невзыскательная супруга, едва ли не впервые в жизни вспыхнула, явившись в покои короля и потребовав объяснений.

Эдуард долго молчал, лишь когда Элизабет выдохлась, заговорил с ней тихо и устало. Его голос звучал настолько невнятно, что даже те, кто подслушивал у дверей, не могли разобрать слов. Когда же он умолк, королева заплакала.

— Как ты мог, Нэд!..² Как ты мог так поступить со мной?

Голос королевы прерывался. Эдуард сел рядом и обнял жену. Элизабет была старше, но сейчас, когда этот рыхлый, страдающий отдышкой и изнуренный постоянными приступами малярии человек обнимал ее, она казалась едва ли не его дочерью. А ведь королева ждала седьмого ребенка.

² Нэд — уменьшительное от имени Эдуард.

Из покоев мужа королева вышла только под вечер. Она выглядела усталой и подавленной. Старший сын от ее первого брака, Томас, маркиз Дорсет, постарался утешить мать:

— Государыня, прикажите — и мы устроим такую охоту на Кларенса, что ни один из лордов королевства не рискнет предоставить ему свой кров!

Королева ласково коснулась щеки юноши.

— Боюсь, мой мальчик, что отныне нам предстоит ублажать Джорджа.

Это было непонятно, однако слово королевы для Вудвилей являлось законом. И они роем вились вокруг Кларенса. Маркиз Дорсет сводил его с прелестными леди, епископ Лайонел засиживался с ним за партией в шахматы, изящный и образованный граф Риверс знакомил с неким предпринимателем Кэкстоном, которому покровительствовал, дабы тот установил в Вестминстерском аббатстве первую в Англии печатную машину. Джордж Кларенс охотно принимал знаки внимания, но оставался насмешлив и дерзок. К тому же он был не дурак выпить за чужой счет, и юному маркизу Дорсету зачастую приходилось чуть ли не на себе тащить осоловевшего герцога из притонов Саутворка.

Однажды Кларенс, пьяно опираясь на Дорсета, сказал:

— А ты славный малый, Томас! Думаю, однажды, когда я стану королем, то смогу отплатить тебе за усердие.

Дорсет отворачивался от дышащего перегаром герцога и упорно направлял его туда, где у причала их ожидала лодка.

— Но как же вы, дядюшка, собираетесь занять трон? Впрочем, видимо, вы говорите о троне Шотландии, раз уж посвятились к принцессе Марии?

Герцог выругался так, что стоявшие неподалеку шлюхи весело расхохотались, и маркизу пришлось приложить немало усилий, чтобы отвлечь от них внимание родича короля и вновь направить его мысли в нужное русло. Наконец Кларенс раздраженно сказал:

— Ты еще молокосос, Томас, и ничего не понимаешь. Я стану королем уже потому, что твоя матушка попросту мнит себя королевой, а твоих сводных братьев-принцев — наследниками трона. На самом же деле она ничем не лучше этих девок и такая же шлюха, как и они. И я докажу это, предъявив пар-

ламенту брачное свидетельство Элеонор... Но тсс! Ни слова более. Споем-ка лучше, малыш Томас!

И он принялся горланить песни, пока Дорсет не погрузил его в лодку.

Когда маркиз Дорсет поведал матери об этом разговоре, та заметно разволновалась.

— Мы должны разведать, где находится документ, упомянутый Джорджем. Иначе, клянусь святой Елизаветой, моей покровительницей, настанет день, когда этот негодяй и впрямь сможет отнять трон у моих детей...

Больше она ничего не добавила, но лицо ее, озаренное пламенем свечей, исказилось такой ненавистью, что Дорсет невольно переглянулся со своими дядьями — графом Риверсом и епископом Лайонелом. Они знали, что Элизабет недолголюбивает Кларенса, но чтобы настолько...

Обычно недругом королевы считался младший Йорк — горбатый Ричард Глостер. Королева враждовала с ним даже в дни, когда Кларенс переметнулся на сторону Делателя Королей, а Ричард оставался с Эдуардом, сражался за него под Барнетом и Тьюксбери. Но и тогда Элизабет не подавала ему руки.

— Ты должна быть благосклоннее к Дику³, — говорил ей Эдуард, и королева, как верная жена, подчинялась. Однако ни фальшивые любезности, ни показная дружба не мешали обоим понимать: они враги.

Королева не доверяла Глостеру, она видела, как все больше власти и могущества приобретает этот Йорк, которому, казалось, не на что было рассчитывать. Но титул следовал за титулом, должность за должностью, манор⁴ за манором. Элизабет замечала, как мало-помалу Ричард оттягал у ее венценосного супруга полкоролевства. Теперь от Ноттингема до границ с Шотландией, не считая кое-каких владений Кларенса, простирались лишь подвластные Глостеру земли. Король Эдуард, заметно сдавший в последнее время, редко заезжал так далеко, и люди на Севере считали младшего Йорка более влиятельным правителем и именно в нем видели силу. Даже гордый Перси, граф Нортумберленд, единственный, кто мог противостоять

³ Дик — уменьшительное от имени Ричард.

⁴ Манор — феодальная вотчина в средневековой Англии.

Ричарду, и тот должен был смириться перед мощью горбатого Дика.

— Не кажется ли вам, государь, — несколько нервно говорила королева мужу, — что неразумно давать Глостеру подобные полномочия над половиной королевства? Пусть бы на Севере у него был достойный противник в лице Перси.

Но Эдуард не уступал.

— Бог свидетель, Бетти, я доволен, что поставил Дика наместником Севера. Он загнал в угол последних непокорных ланкастерцев, он прекрасно контролирует беспокойное Пограничье, заставил повиноваться Нортумберленда, того самого Нортумберленда, для которого всегда существовал лишь один девиз: «Перси должны служить только Перси!» Нет уж, если Белый вепрь загонит в клетку Синего льва⁵, я буду только доволен.

Так обстояли дела в королевской семье и при дворе, когда в начале осени 1480 года король Эдуард решил собрать парламент. На него должен был приехать и герцог Глостер. Он написал Эдуарду, что хотел бы наконец жениться, чему король обрадовался, хотя и был несколько обескуражен, поскольку младший брат не назвал имени своей избранницы, сообщив лишь, что вопрос об этом браке должен быть поставлен в парламенте. И это Дик, который всегда твердил царственному брату, что никому, даже королю, не позволит вмешиваться в свою личную жизнь и сам выберет себе невесту.

⁵ Белый вепрь — геральдический знак в гербе Глостера; Синий лев — геральдический знак в гербе Перси.

ANGUIS IN HERBA⁶

Ричард Глостер прибыл в Лондон в первые дни сентября. Встреча трех братьев Йорков прошла с показной приветливостью, но все равно многие разглядели за улыбками и объятиями некоторое напряжение.

Ричард Глостер держался лучше других, на устроенном в его честь пиру был общителен и весел, много шутил, но его внимательный взгляд холодно подмечал все перемены. Он видел, как постарел и обрюзг король. Эдуард почти не поднимался с кресла, а его любовница — кареглазая Джейн Шор — проплясала весь вечер с лордом Гастингсом и с красавчиком маркизом Дорсетом. Ричард заметил, что эти двое готовы не на шутку схватиться из-за нее, а она лишь смеялась да поглядывала в сторону короля.

Джордж Кларенс много пил, а потом, как водится, завел разговор о собственном могуществе и о том, что Яков Шотландский уже почти готов отдать за него свою сестру. Как бы не так! Яков и не помышляет об этом, в особенности после того как Ричард передал весть об отравлении жены Джорджа, Изабеллы Невиль, и о том, насколько зыбко положение самого Джорджа при дворе. Что ж, пусть пока веселится, пьяный болтун, а уж он,

⁶ Змея в траве; скрытая опасность (*лат.*).

Ричард, сумеет преподнести ему сюрприз, объявив парламенту, что считавшаяся погибшей дочь Уорвика, Анна Невиль, жива и Кларенс незаконно владеет ее землями.

Ричард не сводил взгляда с лица Джорджа и поэтому не замечал, как внимательно наблюдает за ним самим королева. Элизабет знала о ненависти между Джорджем и младшим Йорком, и ей пришло на ум, что в Ричарде она может приобрести сильного союзника в борьбе против Кларенса.

Поздно ночью, когда гости разъехались и на всех башнях Лондона отзвучал сигнал гасить огни, королева призвала к себе своего второго сына, Ричарда Грея, и велела ему подать лодку к Воротам Изменников⁷.

— Матушка, прикажете взять охрану? — спросил мальчик еще ломающимся голосом.

— Нет, сын мой. Мы будем одни, и ни единая душа не должна знать об этой поездке.

Ричард Грей провел лодку под нависающей громадой ворот. Одинокий факел, горевший в железной клетке под аркой, осветил их. Королева с улыбкой глядела на сына. Она любила всех своих детей, но не могла побороть особой трепетной нежности к этому не по годам рослому и красивому подростку. Он был сильным и высоким, с пышными и волнистыми пепельными волосами, прямым носом, резко очерченными скулами и ярко-синими глазами под прямыми темными бровями. Внешне он очень напоминал королеву... Она вздохнула и отвела взгляд. То было в далеком прошлом, о котором она запретила себе вспоминать.

Лодка плавно шла по течению Темзы. Юный Ричард греб легко, и вскоре они миновали арку Лондонского моста. Вдоль берега проступали темные очертания уснувшего города, над рекой клубился туман. Мерно ударял колокол в соборе Святого Павла. Королева всматривалась в северный берег, пока не различила стоявшее почти у самой воды каменное строение. Ярус черепичных крыш, высокие окна, башенки по углам и удобный причал со ступенями, омываемыми водами Темзы. Байнард-Кастл! Прежде этот особняк принадлежал матери короля, Сесилии Йоркской, но Глостер при явном попустительстве

⁷ Ворота Изменников — название ворот Тауэра, выходящих на реку.

Эдуарда попросту вытеснил оттуда старую герцогиню. И теперь это была только его резиденция.

— Риччи, сверни к Байнardu, — велела сыну королева. Она видела, что за окнами теплился свет, а значит, Глостер еще не ложился.

В это время герцог сидел перед украшенным мраморной резьбой камином, слушая доклад Джеймса Тирелла. Этот человек представлял Ричарда в Королевском совете, был его глазами и ушами при дворе, его ближайшим поверенным.

Тирелл имел привычку всегда одеваться в черное, за что и был прозван Черным Человеком. Его недолюбливали за скрытность и нелюдимость, но он был близок к сиятельному герцогу Глостеру, и перед ним надлежало заискивать. Джеймсу не исполнилось еще и тридцати, но странная неподвижность черт делала его старше. У него были черные, довольно коротко подстриженные волосы и желтые, как патока, непроницаемые глаза. Голос его звучал мягко, и Ричард внимал ему, машинально водя кончиком трости по узорам ковра на полу.

Уже в который раз герцог убеждался, что этот Тирелл просто находка для него. Хотя когда-то было не просто приручить мальчишку... Но то уже в прошлом, ныне же Глостер видел в нем преданного человека, которому можно поручить любое, даже самое щекотливое дело, и сэръ Джеймс неизменно справлялся с блеском. Он был неглуп, умел держать язык за зубами, но мог, когда надо, и сказать веское слово.

Сейчас Джеймс Тирелл посвящал своего герцога в последние новости двора. Сообщил, что король по-прежнему поддерживает торговцев, посещает Пилдхолл и отдает дань коммерции, чем наносит ущерб своему достоинству в глазах знати. Из лордов двора Эдуард более других приблизил к себе Гастингса, хотя тот и встречается украдкой с фавориткой короля Джейн Шор. Королева Элизабет в последнее время странно нервозна, возможно, оттого, что она вновь на сносях. Как стало известно, ее величество недавно тайно ездила в Саутворк к местной гадалке и услышала предсказание: пока жив брат короля, детям Элизабет не бывать на троне.

При последнем сообщении Ричард поднял глаза, и в свете камина они неожиданно сверкнули красноватым волчьим блеском.